

К вопросу о чуде синергийного преобразования
мира

В.П. Булдаков, доктор исторических наук

Относительно целевых установок и пафоса доклада возразить нечего: спор модернизм vs. традиционализм бессмысленен (такovým он стал еще 100 лет назад); миром правят профаны, возомнившие себя посвященными (и это в лучшем случае — хватает и откровенных идиотов), чтобы исправить положение. Стратегические решения должны приниматься на качественно ином уровне экспертных оценок — это предполагает «реабилитацию» истории (особенно в ее культурно-антропологической составляющей). Во многом справедливой мне представляется и критика постмодернизма. Иногда он кажется просто кастрированным модернизмом: запел иным голосом — вот его и приняли за новый субъект истории. Во всяком случае, с вдохновляющими смыслами и ценностями здесь обстоит неблагополучно.

Можно поставить вопрос ребром: современное человечество вполне созрело для конца света (некогда обещанный «конец истории» напоминает приглашение суицидального панихида, обставленную как именины). Конечно, нечто подобное происходит с известной периодичностью, но мне на похороны ходить не нравится, а потому — при всем скептическом отношении к современному человечеству — я пожелал бы ему выздоровления. А раз так, ему действительно нужно срочно поумнеть — освоить нечто вроде «синерге-

тики выживания». Правда, возникает скептический вопрос: как научить того, кто менее всего в жизни желает чему-либо учиться?

Древние говорили: история — учительница жизни. Позднее пришлось признать, что история учит только тому, что ничему не учит. И хотя в те времена под историей подразумевались миф и традиция, существа дела это не меняет. Почему? Уже потому, что книга истории (состоящая из смеси реального и воображаемого, символического и утопического, мифического и метаисторического) слишком объемна, чтобы охватить ее содержание разом и целиком. К этому надо добавить, что все позитивистски различимые в ней причинно-следственные связи, «тренды», «мейнстримы» и даже «системные» зависимости — лишь видимая часть нарративов и агрегаций более высокого и тонкого характера. А потому мы каждый раз выхватываем из прошлого лишь мнимораспознаваемые («актуальные» и «многозначительные») для нас эпизоды, и поэтому история (по крайней мере, российская ее часть) напоминает коллективное *déjà vu*. Клио лишь предстоит стать учительницей жизни — чем скорее, тем лучше.

При этом стоит учитывать и другое. Вряд ли мы сегодня сможем прочесть апокалиптические пророчества на языке, адекватном культуре, их породившей, — в лучшем случае мы найдем в них зашифрованное предупреждение. Что касается ближайшего исторического опыта, начисто лишённого сакральной оболочки, но зато все чаще выстраиваемого по конспирологически-политтехнологическому принципу, то он в принципе не способен указать на риски будущего. История — это еще и культура восприятия прошлого со всеми психо/пато/логическими вывертами.

Нынешнее состояние беспомощного изумления перед прошлым усиливается, как отмечает докладчик, в связи с современным ростом неоязыческих и синкретичных миропредставлений. Мне, однако, кажется, что последние — не причина, а следствие. Поэтому для понимания причин

«расконсервации» традиционного (труднообучаемого по определению) общества вовсе не обязательно прибегать к сомнительному винегрету из Гегеля, Генона, Шпенглера, Данилевского и т. д. и т. п. — это те же синкретизм и идолопоклонство, только порожденные *современностью*. Танцуя под музыку Шпенглера от Гегеля к Генону, легко скатиться от системных представлений к конспирологическим, а для решения онтологических проблем прибегать к политтехнологическим методам. Нынешним возвращением к дорационалистическому восприятию прошлого (как мифическому компоненту нашей повседневности) мы обязаны главным образом искусственной *визуализации* истории: если в современном «документальном» телефильме задумки режиссера подкрепляются игрой актеров, «правдиво» изображающих выдающихся личностей и злодеев, то что это, если не «вызывание духов»?

Мир всякий раз подходит к грани кризиса, если человек перестает считаться с первоосновами собственного бытия. Если угодно, это ситуация конфликта и с Природой, и с Космосом — забвение естественного и божественного одновременно. Строго говоря, проблему, обозначенную автором, можно сформулировать по-другому: как добиться гармоничного единства техносферы с ноосферой, если первая может дать все (и дает) при жизни, а от второй нынешнее «общество потребления и сервиса» не получает никакого «навару»? Замечу, что индивидуально человек «прилипает» именно к техносфере, причем настолько, что она поглощает его естество.

В связи с этим вопрос: правильно ли мы учимся истории *сегодня*, в условиях медийно-сетевой культуры? Должен напомнить: всякая история начинается с источниковедения, т. е. с критики источника — в какой степени он *врет*? А врет, между прочим, любой источник (от манускрипта до виртуального банка данных), ибо происходит не от Господа Бога, а от людей, которые, даже будучи лично честными, всегда остаются слишком «маленькими» перед лицом вечности.

Всякий источник — продукт локальной культурно-антропологической среды, а потому он более или менее объективно фиксирует (в лучшем случае) «правду» одного лишь *своего* времени, увиденного из *своей* социокультурной ниши. Как же он будет прочитан людьми современности, перегруженными слишком доступной информацией, в условиях, когда различные формы словоблудия стали ритуально востребованной частью культурного пространства?

Поясню это на простом примере, имеющем непосредственное отношение к тексту доклада. Всем известна шутка: есть просто ложь, есть большая ложь и есть статистика. Понятно, что ошибается не сама статистика, а *статистики*. Мне кажется, Вардан Эрнестович использует подобранную ими цифирь некритично, как якобы готовый иллюстративный материал для подтверждения благотворности консервативных интенций в истории России.

Так, по мнению автора, «при царях-“западниках” общий коэффициент рождаемости в России, варьируясь по годам, в целом снижался, тогда как при “почвенниках” возрастал» — это одно из подтверждений существования «цивилизационного маятника». Вспоминается частушка брежневских времен: «Если женщина красива и в постели горяча, в этом также есть заслуга Леонида Ильича!» У нас по-прежнему следуют этой логике: совсем недавно, не прошло еще 9 месяцев, как некий демографический рост связали с «материнским капиталом» Путина. В действительности, известно, что после «демографической ямы» следует демографический подъем — это происходит повсеместно после войн, голода и т. п.

Позволю себе пояснить, как в действительности выглядела картина репродуктивности основной традиционалистской массы населения в России (крестьянства) во времена Александра III — крутого традиционалиста. Обнаруживается, что во времена этого «царя-батюшки» с постепенным снижением урожайности с высшей точки в 1887 г. происходило неуклонное падение рождаемости и брачности. Это продолжа-

лось до 1892 г., после чего последовал всплеск свадеб (вдвое выше предыдущего года), а затем и рождений. Напомню, что в 1891 г. Россию потряс страшный голод, его последствия в полной мере сказались в следующем году, а затем последовал необычайно урожайный 1893 г.¹

Получается, что здесь действовал не столько компенсационный, сколько *упреждающий* демографический механизм. Учитывая, что человек традиционного общества живет по законам потребительски-производственного баланса, этому удивляться не приходится, однако распознать механизм действия «метасоциальных» или «мегадемографических» зависимостей привычными позитивистскими методами мы не сможем. А, в общем, стоит согласиться с мыслью блестящего, на мой взгляд, тамбовского историка Владимира Дьячкова: еще в начале XX в. крестьянин «оставался по преимуществу биологическим, а не социальным существом, он существовал, прежде всего, как часть биоценоза, а не ноосферы»². Согласиться потому, что Дьячков опирался на мощную источниковую базу — учитывал не столько лукавые официальные метрические данные (сельские священники регистрировали только крещенных младенцев), как статистику родильных отделений земских больниц (они содержали сведения о мертворожденных, «мнимоумерших» и т. п.).

Кстати, Дьячков уловил иную, нежели Багдасарян, ритмику российского (и не только российского) развития — 28 (56, 112) лет. Я бы не обратил на это «открытие» внимания (у каждого оригинального автора свои тараканы в голове!), если бы не натолкнулся на цифру 28 у человека совсем иной эпохи и иного склада. Известный поэт Андрей Белый (на которого среди прочих также ссылается докладчик), как последовательный

---

¹ Дьячков В.Л. О женской доле, мужской роли и нашем месте под Солнцем, или о том, что бывает за неправильное и несознательное демографическое поведение // Социальная история. Ежегодник, 2000. М., 2000. С. 226.

² Там же.

эгоцентрик, сопоставив роковые события личной жизни с мировыми катаклизмами, решил, что миром управляет именно такая цикличность. Боюсь, что в пространстве истории мы всякий раз с успехом выявляем именно *ту* ритмику, которая отвечает ближайшим ожиданиям *нашего* времени.

Кстати сказать, принцип выявления циклов мировой истории, открытый А. Белым, не столь уж нелеп. Если представить, что некая человеческая особь настроена на «космическую волну», то логически неоспоримо, что ее персональное мироощущение будет соответствовать кризисности вселенского масштаба.

Увы, чаще используются совершенно иные «индикаторы» (роста, а не кризиса). Скажем, накануне Первой мировой войны французам важно было знать экономический потенциал своего союзника — России. В Петербург по поручению двух министров отправился Эдмон Тэри — отнюдь не простак в вопросах экономики и финансов. Естественно, российские бюрократы снабдили его такой ведомственной цифирью, что он разразился восторженной книгой³, из которой следовало, что к 1948 г. Россия, с ее развивающейся промышленностью и прогрессирующим сельским хозяйством, достигнет такого могущества и процветания, какое не снились и Хрущеву, посулившего согражданам построение к 1980 г. «материально-технической базы коммунизма».

Прогнозы в России следовало бы делать (если этим вообще стоит заниматься), исходя из *кризисности*, а не эволюционности ее развития. Между прочим, в начале XX в. в германской ученой среде также доминировал оптимистический сценарий российского развития (там он превратился в аргумент в пользу скорейшего развязывания войны). В самой России, напротив, преобладали противоположные оценки.

---

³ На русском языке она была издана во Франции позднее (см.: Тэри Э. Россия в 1914 г.: Экономический обзор. Париж, 1986), в 2008 г. была переиздана в Москве (Тэри Э. Экономическое преобразование России. М., 2008).

Чего стоили тогдашние прогнозы, сделанные в рамках «модернистской» парадигмы, — показало ближайшее будущее.

К слову сказать, в «оптимистах» той же «прогрессиистой» закваски нет недостатка и поныне. К ним, в частности, принадлежит известный питерский «клиотерапевт» Б. Миронов⁴, автор неоднократно переиздававшейся «Социальной истории России» (на деле это история мнимой «модернизации» российской власти на фоне ее канцелярских «достижений»). Я вспомнил о нем потому, что он вообще не замечает никаких циклов, улавливая лишь легкую волнообразность «социального прогресса» — мужики-новобранцы прибавляли в росте, бабы нагуливали вес. Более того, оказывается, что непосредственной причиной «подрастания» и «утяжеления» человеческого стада явилась виттиевская индустриализация. Миронова критиковали не раз⁵ — бесполезно. У своих петербургских коллег он не пользуется авторитетом, некоторые московские «авторитеты», напротив, охотно протезируют ему. Налицо востребованность «оптимистичного» вранья.

Нашествие человеческой дури — будем называть вещи своими именами — связано с факторами вполне прозаического характера. Не было, кажется, ни одного достижения прогресса, которое человек не ухитрился бы использовать во вред самому себе — под видом избавления от того, что ему «мешает». Ныне «изгнание дьявола» происходит с помощью СМИ — они его изобретают, они же изгоняют. И это явление глобального порядка.

---

⁴ *Миронов Б.* Социальная история России периода империи. Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства (XVIII — начало XX в.) Т.1. СПб., 1999. С.16.

⁵ См.: *Элман М.* Витте, Миронов и ошибочное использование антропометрических данных // *Экономическая история. Обзорение.* Вып. 11. М., 2005. С.159; *Булдаков В.П.* Россия или мифы о ней? По поводу статьи Бориса Миронова «Униженные и оскорбленные: Кризис самодержавия — миф, придуманный большевиками» (Родина. 2006. № 1) // *Родина.* 2006. № 8. С.7-9; и др.

Конечно, глобализм — вовсе не изобретение нашего времени. Он довлел над человеческими умами всегда, причем всегда носил имперский (насильственный) характер. Другое дело, что силовое наполнение имперства менялось: от копий Александра Македонского к танкам и самолетам двух мировых войн, а затем — к атомному, ракетному, информационному оружию «холодной войны». Однако настоящая угроза человеку, как социально прогрессирующему (по определению) существу, связана с явлением совершенно иного порядка.

Информационная глобализация опасна тем, что вера и предрассудок, эзотерическое и научное знание, обычай и суеверие оказываются на одной доске — они, тем самым, не только уравниваются в своих когнитивных правах, но и приобретают интернационально значимый характер. В принципе это ситуация Вавилонского столпотворения: формально оно может происходить на одном языке (английском или сетевом), на деле будет хаотичным столкновением «языков культур». И не стоит думать, что ситуация может быть исправлена путем простого отката назад — к традиционализму. В России он чреват возвращением к авторитаризму, причем отнюдь не в «просвещенных» формах — автаркистское сужение информационного поля программирует «решение» проблемы на советский манер.

Меня крайне смущает *этатистский* контекст предложенного дискурса. Лишний раз убеждаешься, что в России существовала и существует лишь одна религия — поклонение власти. Мы не христиане, не язычники, а кратопоклонники, возможно — кратоманы. И если кто-то по-прежнему пытается писать историю России (и, соответственно, заглядывать в будущее) по этатистскому (модернистскому или консервативному, что в сущности одно и то же) сценарию, это обернется очередным циклом поклонения все тому же, только переодетому, божеству. Существует любопытное высказывание, приписываемое фельдмаршалу Миниху: «Русское государство имеет то преимущество перед всеми остальными,

что оно управляется самим Богом. Иначе невозможно объяснить, как оно существует». На мой взгляд, это не утративший своей актуальности пример *ухода* от объяснений на почве и средствами *истории*. То же самое делает докладчик, объясняя *что* требуется, но не поясняя *как* это можно сделать.

По мнению автора, синергийный традиционализм утверждает политическую симфонию народов, каждый из которых идентифицируется в нем в качестве высшей органической ценности. Очень хорошо! Права индивидуума признаются, но соотносятся с историческими сверхзадачами этноса. Тоже терпимо, хотя вызывает маловдохновляющие ассоциации. В сущности, это старый разговор о «новой исторической» общности и правах, точнее *обязанностях*, советского гражданина. Сама по себе эта конструкция вовсе не плоха, если она выстроена снизу — от личности гражданского общества, обладающей соответствующим уровнем «сознательности». Но неужели современное медийное пространство соответствует этим задачам?

По мнению автора, синергийный традиционализм должен базироваться на принципе полиэтничности. Он апеллирует к опыту имперских систем, как высшего политического выражения в генезисе цивилизацией, каждая из которых являлась гетерогенным организмом.

Слов нет, обращаться к идее традиционализма в России, как и в современном мире в целом, нельзя, минуя понятие империи. По мнению автора, почти все известные в истории империи были многонациональны; как только они становились на позиции моноэтнического центризма, следовал их распад. Во-первых, империи не «многонациональны», а полиэтничны. Во-вторых, их происхождение связано с силовым навязыванием культурного кода, который имеет этноцентристское (великодержавное, если угодно) происхождение. В-третьих, империи не только соединяют, но и разделяют — особенно на начальной и конечной стадии своего существования. Наконец, империй, как вневременных устойчивых

конструкций, никогда не существовало — они либо распадаются на нации-государства, либо сами трансформируются в подобие такового. Империя — универсальный, хотя «эфемерный» (в масштабах тысячелетий) феномен. Следовательно, использование *традиционного* имперского опыта сомнительно; речь может идти об империи либо как об идеальном, точнее воображаемом, типе интеграции, либо временном средстве его достижения.

И здесь на первый план выдвигается вопрос: как сформировать «неоимперию» — сверху или снизу? Исторический опыт подсказывает, что все империи прошлого строились сверху, что и обеспечило преобладание центробежных и/или энтропийных процессов. Так стоит ли повторять этот опыт, надеясь на «синергетические» усилия энергетически подавленных элементов? Или они смогут противостоять медийному диктату сверху?

Строго говоря, исторически перед российской властью стояла одна единственная задача: как сконцентрировать в руках государства достаточно *средств* для обеспечения безопасности и управляемости подвластного пространства? Поскольку правителям думать об идеалах было некогда (их заменяла вера в Провидение), проблема «решалась» за счет населения — путем предельного обложения основной массы производителей. Но если тягловая часть популяции жила по принципам производственно-потребительского баланса (иному его не учили), а содрать с него стремились как с наемного рабочего, то получалось, что власть только и делала, что пилила сук, на котором сидела. В общем, это был путь к разрушению всяких идентичностей, что и обернулось событиями 1917 г.

По мнению автора, «**базовым** (выделено мной — В.Б.) идентификационным определителем являлась цивилизационная идентичность», в которую «по матрешечному принципу включались... идентичности более узкого группового содержания». Увы, это типичный случай современного

презентизма: некий «цивилизационный код» России ныне находят и в XIII в., и ранее того, не поясняя, как это могло случиться. А, может быть, наоборот? Изначально враждующие групповые идентичности по мере взаимоослабления соглашались на третейскую роль общего лидера или веры, формируя тем самым имперскую, а затем цивилизационную идентичность. Вместе с тем, формирование цивилизаций исторически связано не столько с «трансляцией традиций», сколько с овладением технологиями, включая управленческие. В основе империй, как и цивилизаций, все же лежит диктат — в основе своей культурный. Как я понимаю, автор думает иначе. Цивилизационная идентичность у него выступает как некая изначальная данность, как «субстанция», не позволяющая разрушить этническое многообразие мира.

Согласно автору, перспектива гибели цивилизаций обусловливается процессом универсализации. Спасение их возможно при выдвигании идеологического концепта, акцентированного на задачах сохранения цивилизационных традиций. Однако, учитывая что процесс глобализации был своеобразным восхождением от локальных культурных общностей к более «интернациональным», придется признать, что глобализация неизбежна, причем как форма этнокультурного гегемонизма. В сущности, острое авторского недовольства направлено не на глобализм как таковой, а на ту культурную (западную, постмодернистскую) оболочку, в которой он в настоящее время выступает.

Отсюда имплицитное желание повернуть Россию не просто вспять, а от Запада — к неким «истокам». С истоками, архетипом, однако, возникают сложности в силу действия «цивилизационного маятника». Против последнего я, в принципе, не возражаю. Вызывает сомнение лишь та амплитуда колебаний, которую обнаруживает автор. Думаю, что цивилизационную цикличность уместнее измерять не десятилетиями, а столетиями, если не более того. В противном случае, вместо идентификационного процесса мы обнаружим некую цивилизационную

вертихвостку. И тогда обнаружится, что с глобалистской унификацией этой диковинной птице никак не справиться.

Полагаю, однако, что пора спуститься с неба на землю. В свое время Ленин поставил задачу преодолеть традиционализм (многоукладность). Сегодня приходится культивировать ее. Но как? Строго говоря, хозяйственная многоукладность в России никогда не исчезала, несмотря на все «модернизаторские» устремления власти. Дело в том, что живучесть традиционализма обусловлена проблемами элементарного выживания, а в России только об этом и приходится думать. Между тем, подлинная модернизация — не что иное, как отыскание, стимулирование и использование креативного потенциала традиционализма (как ни парадоксально, на первый взгляд, это звучит). Боюсь, что с этатистских вершин такими тонкими процессами управлять нельзя. А раз так, то надо хотя бы добиваться от государства, чтобы оно не проявляло усердия не по разуму. Россия столь же нуждается в селективном поддержании традиций людей, как не нуждается в сохранении традиций царей.

То, что сегодня предложено В.Э. Багдасаряном, скорее из области диагностики, нежели терапии. Разумеется, это уже немало. История не может научить, но она может предупредить.

А.И. Неклесса:

Я бы отметил, что в предложенной формуле цивилизационной идентичности — где важная роль отводится демографическому фактору — кое-что меня смутило. А именно тот факт, что кривая взлета и провала «идентичности» явно расходится со статистическими данными. Скажем, провал «идентичности» во времена Горбачева на самом деле совпадает не с провалом, а со взлетом рождаемости. Напротив, отмеченный на графике взлет «идентичности» в 1930-е гг. совпадает с демографической «ямой». Таким образом, предложенная синтетическая для оценки «идентичности» оказывается узвимой.